

**ГРАНИЦЫ ГОСУДАРСТВ, СООБЩЕСТВ
И ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ,
УКРАИНЦЕВ И РУСИНОВ В РЕСПУБЛИКЕ
ХОРВАТИИ**

Ключевые слова: национальные меньшинства, идентичность, русские, украинцы, русины, Республика Хорватия

Проживающие на территории Республики Хорватии с XIX в. и по сегодняшний день русские, украинцы и русины не утратили своей этнической идентичности и в переписях населения фигурируют как три разных национальных меньшинства. В статье анализируются проблемы, с которыми сталкиваются исследователи при рассмотрении миграционных процессов и изучении этнонимов, а также при оценке статистических данных, имеющих отношение к этнической принадлежности, родному языку, религии, деятельности локальных сообществ этих меньшинств. Кроме того, показана трансформация этнической идентичности, ее смешанный (гибридный) характер, подчеркивается важность тщательного критического прочтения источников и имеющихся исследований. Авторы акцентируют внимание на сложности изучения идентичности русских, украинцев и русинов, проживающих в Республике Хорватии.

Согласно своей Конституции, Республика Хорватия с момента обретения независимости в 1991 г. является “национальным государством хорватского народа и входящих в него национальных меньшинств”¹. После выхода из состава СФРЮ Хорватия продолжила начатую еще объединенным государством политику официального признания этнических сообществ, проживающих на ее территории: статус национального меньшинства получили в том числе русские, украинцы и русины, в последующие годы к ним добавились и народы бывшей Югославии – сербы, македонцы, словенцы, боснийцы и др. Если в поправках к Конституции Хорватии 1997 г. фигурировали лишь украинцы и русины в качестве коренных автохтонных народов (Ustavni zakon 1997), то сегодня в общей сложности уже 22 этнических сообщества имеют статус национального меньшинства в Хорватии: албанцы, австрийцы, боснийцы, болгары, черногорцы, чехи, венгры, македонцы, немцы, поляки, цыгане, румыны, русские, русины, словаки, словенцы, сербы, итальянцы, турки, украинцы, вlahи, евреи (в Конституции они перечисляются в алфавитном порядке на латинице – именно так, как мы их привели)².

В Таблице 1 представлены статистические данные по общей численности и родному языку для русских, украинцев и русинов. Таблица составлена М. Райкович Иветой по материалам переписей населения в Республике Хорватии в 2001 и 2011 гг. (DZS RH 2001, 2011).

Мариета Райкович Ивета | <http://orcid.org/0000-0002-4988-1828> | mrjzkovi@ffzg.hr | доктор наук, доцент кафедры этнологии и культурной антропологии философского факультета | Загребский университет (Ivana Lučića 3, 10000, Zagreb, Croatia)

Мариям Мустафаевна Керимова | <http://orcid.org/0000-0003-3064-1012> | mkerimova@yandex.ru | д. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Таблица 1

**Данные о национальной принадлежности и родном языке по материалам переписей
2001 и 2011 гг. (чел.)**

Год	Русские	Русский язык	Украинцы	Украинский язык	Русины	Русинский язык
2001	906	1080	1977	1027	2337	1828
2011	1279	1592	1878	1008	1936	1472

Анализируя данные таблицы, мы можем сделать вывод, что различия в подходе к определению своей собственной идентичности, по крайней мере тогда, когда это касается этнической и языковой идентичностей, очевидны. Но дальнейший анализ данных об иммиграции предков русинов, украинцев и русских в хорватский этноисторический ареал и изучение этнонимов и статистических данных, касающихся этнической принадлежности, а также информации о создании союзов (ассоциаций, объединений), помогающих этим меньшинствам сохранять и поддерживать свою идентичность, высвечивают целый ряд проблем, с которыми сталкивается исследователь. Цель данной статьи — очертить и проанализировать круг этих проблем. Чтобы хорошо разобраться в данном вопросе, необходимо тщательно критически оценить источники и исследования (особенно тех авторов, которые принадлежат к одному из этих меньшинств), изучить трансформацию и характер идентичности, показать сложность и размытость границ идентичностей этих сообществ на территории Республики Хорватии, а также рассмотреть идентичности в более широком географическом контексте.

В качестве теоретической отправной точки исследования идентичности мы будем использовать работу Т.Х. Эриксона “Этничность, раса и нация”. Норвежский ученый считает, что индивидуум имеет больше разных этнических идентичностей и статусов, чем группа, и что он может принадлежать к разным этническим сообществам, а разные виды сообществ могут создаваться на разных основах и принципах (язык, обычаи, культура в целом, политические ориентации и т.п.). По его словам, процесс идентификации происходит через интенсивное взаимопроникновение двух регуляторов — объективного (культурное измерение) и субъективного (эмоционально-когнитивное измерение, т.е. чувство верности и преданности своей нации, стремление к сохранению ее единства) (Eriksen 2003).

Кроме того, мы опираемся на работу 1985 г. символиста и реляционалиста Э.П. Коэна. Он трактует термин “сообщество” как “группу людей, находящихся в постоянном взаимодействии”, имеющих как что-то общее друг с другом, так и то, что отличает их от других людей. Таким образом, сообщество имплицитно сродство и различие; его ключевые идеи: взаимодействие, противостояние друг другу, обучение и реализация культурно и социально приемлемого поведения. Сообщество — “символическое творение, конструкт”, зависящий от значений, которые придают символам (национальному флагу, гимну, национальной одежде) его члены. Э.П. Коэн особое внимание уделяет социальному взаимодействию, в процессе которого выявляются сходство и различие сообществ. По его словам, сообщества идентифицируются посредством двух уровней символизации: публичного (подразумевается восприятие другими) и частного (подразумевается внутренний опыт пережитого). Эти “символические границы” имеют разное значение для разных людей, охватывают идентичность сообщества и необходимы для социального взаимодействия (Cohen 1985). Мы опираемся и на мнение хорватского этнолога Я. Грбич, согласно которому, субъективное построение и поддержание символических границ

сообщества (которые могут изменяться) определяется этнической принадлежностью и культурным своеобразием (*Grbić-Jakopović* 2014: 59).

Для данного исследования полезны и размышления С. Холла, который считает, что идентичности изменчивы, множественны, динамичны и потому нередко трудно поддаются определению (*Hall* 1996a). С. Холл предлагает заменить концепцию определения идентичности на концепцию выявления различных практик идентификации, формирующих в итоге множество так наз. позиционных идентичностей (*Hall* 1996b: 360). По его словам, человек (и группа, к которой он принадлежит) идентифицируется на основе объективного культурного содержания: домашний локус (место рождения, страна исхода); язык, на котором он говорит; образ жизни, обычаи, которые он практикует; религия; семья, к которой он принадлежит; стереотипы поведения; общение с друзьями и т.д.

В статье мы анализируем идентичности, которые не только сосуществуют в одном временном измерении, но и взаимодополняют друг друга, отражая динамичную картину социокультурной реальности (*Grbić-Jakopović* 2014). Мы проследим горизонтальные и вертикальные уровни идентичности, выясним, способны ли они формироваться как множественные и ситуативные одновременно и при этом не пересекаться друг с другом.

В работе использованы данные переписей населения с 1880 г. и до настоящего времени. Материалы 1880–1948 гг. хранятся в Хорватском государственном архиве в фонде Центрального статистического бюро, некоторые из них ранее уже были опубликованы (*Korenčić* 1979; *Gelo* 1998). Материалы двух последних переписей 2001 и 2011 гг. доступны на веб-сайте Центрального статистического управления Республики Хорватии (DZS RH 2001, 2011). Поскольку Республика Хорватия стала независимым государством только в 1991 г., а переселение исследуемых меньшинств на эту территорию, входившую в состав разных государств, шло начиная с XIX в., часто не представляется возможным сравнить статистические данные в хронологическом срезе. Тем не менее мы попытаемся их представить в настоящей статье, что поможет нам показать, как хорватское этническое и историческое пространство изменялось на протяжении веков.

Нами были использованы полевые материалы, собранные М. Райкович Иветой в местах компактного проживания русских, украинцев и русинов (Загреб и Липовляни) в 2019 и 2020 гг. Полевые исследования (руководитель программы М. Райкович Ивета), направленные на изучение этих трех меньшинств, были включены в учебный план кафедры этнологии и культурной антропологии философского факультета Загребского университета немногим более двух лет назад, поэтому пока еще не накоплено достаточно большого объема материалов, и работа студентов и преподавателей будет продолжена.

Фундаментальных проблемных исследований по изучаемой теме пока не существует. Что касается материалов опросов членов сообществ меньшинств в Республике Хорватии, используемых в данной статье, то их немного; их цель – представить различные взгляды людей на иммиграцию, этнонимы, религию и язык этих сообществ. Кроме того, нами была использована немногочисленная литература на хорватском языке авторов (историков, этнологов, лингвистов) разной этнической принадлежности. Это труды о русских (*Jovanović* 2006; *Mikić* 2005; *Očak* 1987; *Puškadija-Ribkin* 2006; *Škiljan* 2014), украинцах (*Barščevski* 2002; *Graljuk* 2010; *Myz* 2004; *Novosel* 2020; *Paščenko* 2006; *Škiljan* 2013) и русинах (*Bajić* 2003; *Barić* 1985) в Хорватии. Мы использовали и публикации, в которых украинцы и русины рассматриваются как единая общность (*Kiš* 1997; *Paščenko* 1997; *Zlodi* 2005)³.

Первая часть статьи построена таким образом, чтобы показать наиболее мощные волны миграций русских, украинцев⁴ и русинов в хорватский регион (с указанием тех государств, на территории которых эти меньшинства проживали) на протяжении

последних десятилетий XIX и в XX в. Такой подход поможет проанализировать статистические и иные данные об этнонимах, а также письменные источники, в которых имеются сведения об иммиграции и эмиграции.

Вторая часть статьи посвящена перспективам развития и сохранения самобытности этих сообществ, что стало возможным благодаря законодательным актам Республики Хорватии. Украинцы и русины, являясь гражданами страны, принадлежат к двум национальным меньшинствам в ее составе (именно так – раздельно – их декларируют и включают в переписи населения с 2001 г.). Республика Хорватия – одна из стран, признающих право русинов на самоопределение⁵. Тем не менее с момента возникновения институциональных организаций на территории сегодняшней Хорватии в первые десятилетия XX в. и до сегодняшнего дня русины участвуют в работе совместных с украинцами ассоциаций. Мы не преследуем цели углубляться в деятельность различных общественных и культурных организаций этих трех меньшинств, однако приведем общие данные о наиболее известных из них и кратко остановимся на их роли в изучении родного языка и укреплении религиозной и этнической идентичностей.

Переселение украинцев, русинов и русских на территорию Хорватии

Большая часть нынешней Республики Хорватии, а также украинские Галиция, Буковина и Закарпатье входили в состав Австро-Венгерской империи. Территория Хорватии, особенно плодородный Паннонский регион Славонии, после освобождения от Османской империи обезлюдела и оказалась экономически заброшена. Поэтому Габсбургская монархия проводила политику перемещения на эти земли жителей из перенаселенных районов⁶. Мария Терезия в 1763 г. ввела “патент на колонизацию”, прокламировавший необходимость такого переселения, что привело к внутренним миграциям; миграционный процесс интенсифицировался после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., в результате которого Марии Терезии удалось расширить владения Австро-Венгрии за счет Галиции со столицей во Львове.

Русины начали переселяться в Славонию с территории современной Воеводины (в то время часть Южной Венгрии) и северо-восточной части Словакии (Прешовский край) с первой половины XIX в. (в 1831 г. – в Петровац, в 1840 г. – в Миклошевац и т.д.). «Эти переселенцы принесли с собой свой язык, обычаи, религию и старое название: “русины”» (*Zlodi* 2005: 408). Прибывающие сегодня в Хорватию русины мигрируют с территории украинского Закарпатья.

Что касается *украинцев*, то они появились на хорватской территории значительно позже. Их переселение из Галиции, Северной Буковины и частично Закарпатья началось в конце XIX в. (*Муз* 2004; *Graljuk* 2010; *Zlodi* 2005; *Vidmarović* 1986; *Škiljan* 2013). Миграции происходили в основном по экономическим причинам; переселялись главным образом отдельные семьи (по совету и приглашению ранее иммигрировавших родных и друзей)⁷. Во время этой переселенческой волны большинство украинцев перебралось в г. Липовляни (Славония) из Лемковщины (горной карпатской провинции в Галиции) – территории, населенной лемками. После подписания Версальского мирного договора в 1919 г. часть Галиции вошла в состав Польши и оставалась там до 1939 г. Вторая мировая война внесла коррективы в советско-польские отношения. По договоренности с Польшей часть лемков была насильственно выселена со своих земель на территорию УССР. Другая их часть была перемещена в освобожденные от немцев западные районы Польши (*Škiljan* 2013: 11). Послевоенное изменение государственных границ позже вызвало волны новых миграций, однако уже не таких интенсивных.

К середине XX в. в Славонии наблюдались активные процессы интеграции украинцев в хорватское культурное пространство и их ассимиляции через этнически

смешанные браки, маргинализацию религий и религиозной идентичности в социалистической Югославии и т.д. В этот период некоторые украинцы из Боснии и Герцеговины, попавшие туда в конце XIX в. по экономическим или политическим причинам, переехали в Хорватию (Славония), в те места, где уже компактно проживали представители этого этнического сообщества (*Novosel* 2020; *Škiljan* 2013). Однако “местные” украинцы воспринимали переселенцев как “других”:

...изначально они называли нас боснийцами <...> мы отличались от липовских украинцев, которые часто были лемками и говорили на диалекте, отличном от нашего, имели обычаи, отличные от наших. <...>

Одни были лемками, находившимися под поляками, а другие были галичанами, приехавшими из Западной Украины (*Škiljan* 2013: 25).

Полевые исследования М. Райкович Иветы, проведенные в 2020 г. в Липовляни, показали, что эти различия исчезли, и украинцы стали компактным сообществом, этническая идентичность которого поддерживается сохранением греко-католической веры и украинского языка (ПМА 2020).

Если сравнить полученные в ходе хорватских переписей 2001 и 2011 гг. статистические данные, отражающие численность украинцев и русинов, можно увидеть, что тех, кто относил себя к русинам, было больше (2337 человек в 2001 г. и 1936 человек в 2011 г.), чем самоидентифицировавшихся как украинцы (1977 человек в 2001 г. и 1008 человек в 2011 г.) (см.: Табл. 1). А если сложить цифры, например, за 2001 г. (2337+1977=4314 человек) и сравнить полученную сумму с данными переписи 1991 г. (5747 человек), когда украинцы и русины не разделялись, то выясняется, что общая численность этих этнических групп уменьшилась на 1433 человека. Причину такого большого сокращения можно выяснить в том числе путем интервью с членами этих двух сообществ. Полевые исследования М. Райкович Иветы подтверждают, что интенсивные интеграционные и ассимиляционные процессы, трудности с определением своей этнической принадлежности (если речь идет, напр., о детях от смешанных русинско-украинских или хорватско-русинских браков) и другие причины приводили к формированию гибридной идентичности (ПМА 2019).

Данные о первых *русских* (о пяти русскоговорящих в Хорватии [*Škiljan* 2014: 28]) можно найти в переписи населения 1880 г. Важно подчеркнуть, что в ходе этой кампании еще не указывалась этническая принадлежность, переселенцев фиксировали “по родному языку и вероисповеданию”. В переписи 1890 г. население учитывалось по стране исхода, религии и родному языку. В переписных листах “русских и русинов объединяли на основании религиозной принадлежности и приводили их общую численность” (*Ibid.*), поэтому из статистических данных невозможно точно определить не только численность каждой из этнических групп, но и количество людей, говоривших тогда на русском, русинском или украинском языках. Однако регистрация населения “по стране исхода” позволяет подсчитать число переселенцев, указавших Россию своей родиной.

Сравнивая данные этих двух переписей, мы обнаружили, что в Хорватии большинство тех, кто указал русский язык как родной, были евреями и исповедовали иудаизм. Кроме того, часть украинцев и русинов, даже будучи католиками и греко-католиками, могли также считать русский язык родным (*Škiljan* 2014: 31–32). Из материалов переписи 1900 г. “Население по родине, вероисповеданию и родному языку” мы узнаем, что в некоторых славонских городах и поселениях жили греко-католики: в Липовляни — 280 человек, в Новске — 158, в Велика-Людине — 112. Согласно переписи 1910 г. “Население по родному языку”, 424 человека отметили русинский язык (украинский язык в этой переписи не был указан) как свой родной в славонском регионе Новска, к которому принадлежали упомянутые славянские населенные пункты.

Первый всплеск роста численности русских связан с Первой мировой войной (1914–1918 гг.), во время которой многочисленные русские военнопленные переправлялись на территорию современной Хорватии; некоторые из них остались там и после 1918 г. (*Mikšić* 2005; *Škiljan* 1914: 5). Однако большую часть эмигрантов 1920-х годов, массово переселявшихся в Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС), составляли беженцы, несогласные с новым режимом, воцарившимся в России после 1917 г. В разных городах Королевства (в Дубровнике, Сплите, Цриквенице, Загребе и др.) возникли русские общины (“колонии”). Отметим, что православные русские в основном предпочитали селиться в православной Сербии. В начале 1920 г. правительство Королевства СХС при Министерстве иностранных дел создало Государственную комиссию по делам русских беженцев (в эту категорию входили все прибывшие из бывшей Российской империи, независимо от их реальной этнической принадлежности). Большинство их объявило себя русскими, хотя в действительности они могли быть украинцами, евреями, немцами, татарами т.д. (*Čakširan* 2010: 5; *Škiljan* 2014: 7)⁸. В основном переезжали мужчины, изредка – целые семьи. Поначалу люди рассматривали свое пребывание в изгнании как временное, однако практически все они оставались на новом месте навсегда (*Jovanović* 2006; *Čakširan* 2010).

Рубрики переписных листов менялись от переписи к переписи (т.е. каждые десять лет), поскольку менялись и внешние границы государств, и внутренние (границы бановин, районов и т.д.), в соответствии с которыми проводились переписи. Данные разных переписей весьма трудно сопоставить, поскольку они собирались в пределах небольших географических/административных территорий.

Как мы уже отмечали, в 1918 г. (после распада Австро-Венгерской монархии) большая часть сегодняшней территории Хорватии вошла в состав нового южнославянского государства, получившего название Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Королевство Югославия). Данные о количестве русских беженцев, иммигрировавших из царской России в Королевство СХС, в разных источниках сильно разнятся (*Očak* 1987: 297–298). Отметим, что в переписи 1921 г. указывался только родной язык, в то время как в переписи 1931 г. (“Население по национальностям”) уже в Королевстве Югославия (которое с 1929 г. было разделено на девять бановин) впервые фиксировалась этническая принадлежность. Интересные данные находим у хорватского историка Ф. Шкиляна, анализирующего материалы той же переписи (1931 г.) по некоторым славонским городкам. Так, в Липовляни 228 человек отнесли себя к полякам (из них в качестве родного языка указали: украинский – 185 человек, польский – 23, чешский – 6, сербохорватский – 3, словацкий – 1 человек) и 15 человек отнесли себя к украинцам (из них 14 человек родным языком назвали украинский, 1 человек – чешский). В районе славонского муниципалитета Новска проживали 138 русских, 34 украинца и 39 поляков. В разделе, посвященном украинцам, Ф. Шкилян поясняет, что речь шла “в основном об украинцах, которые из-за территориальной разобщенности и в зависимости от религиозной принадлежности и политических взглядов причисляли себя или к полякам, или к русским и украинцам” (*Škiljan* 2013: 62–63).

Отметим, что большинство русских, проживавших в годы Второй мировой войны в Независимом государстве Хорватия (провозглашено 10 апреля 1941 г.), придерживались антикоммунистических и антисоветских взглядов, поэтому им пришлось покинуть страну за несколько месяцев до окончания войны и установления коммунистического режима; массовый уход пришелся на период с осени 1944 по весну 1945 г. Небольшое число русскоязычных, иммигрировавших из Российской империи, а позднее из Советского Союза, вернулось обратно, чему способствовало Постановление Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. Положение российских переселенцев в Югославии ухудшилось после конфликта И.Броза Тито и И.В. Сталина и принятия постановления Коминформа от 28 июня 1948 г.: некоторые, уже имевшие югославское

гражданство, были лишены его, особенно летом и осенью 1948 г., а некоторые были депортированы в СССР как разоблаченные советские шпионы. После 1948 г. социальная и культурная жизнь русских в Загребе практически прекратилась (Фрейдзон 2001: 142–144).

Первая после Второй мировой войны перепись населения в Хорватии проводилась в 1948 г.⁹ Сравнение полученных в ее ходе данных с данными последней предвоенной кампании (1931 г.) показывает, что количество граждан, объявивших себя русскими, не изменилось – 3210 человек. Треть их была зарегистрирована в столичном Загребе – 1070 человек. Перепись 1948 г. проводилась до выхода постановления Коминформа и охлаждения, а затем и прекращения российско-югославских отношений (Bilandžić 1979: 216–219; Đerđa 1968: 488). О том, что эти макрополитические изменения привели к миграции русских из Югославии (новая реэмиграция и/или возвращение в страну исхода), их этнической мимикрии, интеграции и ассимиляции, можно судить по материалам следующей переписи населения, проведенной в 1953 г. В переписных листах вновь указывался только родной язык (графа “национальность” отсутствовала). Согласно опубликованным данным, в Хорватии проживало 1940 граждан, считавших своим родным языком русский.

Несмотря на то что после 1955 г. отношения между Югославией и СССР улучшились, приток новых иммигрантов из России был минимальным, отмечались лишь единичные случаи. Это подтверждается статистическими данными: количество граждан Хорватии, считавших себя русскими, уменьшалось с каждой переписью. Так, в 1971 г. их было 1240 человек, в 1981 г. – 758, а в 1991 г. – 706 человек.

Старшее поколение представителей русской эмиграции – люди, приехавшее во время Первой мировой войны или сразу после нее – в большинстве своем или умерло, или переселилось в скандинавские и другие страны, некоторые вернулись в СССР, а молодое поколение не ощущало себя русскими. <...> Численность русских начала расти после образования независимой Республики Хорватии в 1991 г., когда хорватские компании и фирмы начали развивать бизнес в России, а хорватские рабочие стали возвращаться домой со своими русскими женами. Последние сегодня составляют самый большой процент этого национального меньшинства (Škiljan 2014: 50–53).

Особенности функционирования этнонимов

Если говорить об идентичности и этнонимах трех рассматриваемых национальных меньшинств, следует отметить, что в Хорватии наиболее сложная ситуация сложилась в отношении русинов.

Русины. Слово *русин* изначально употреблялось только в форме единственного числа (др.-рус. *Роусинь* – производное от *Русь*) и использовалось для обозначения единичного представителя этого народа. Эта форма встречается впервые в договорах русских князей с греками в X в. Форма множественного числа – *русины* – возникла в XVI в. (1501 г., уставная грамота Белзского воеводства). В 1517 г. польский ученый М. Меховский в “Трактате о двух Сарматиях” (“Tractatus de duabus Sarmatiis”) писал, что жители Московии “являются русинами и говорят по-русски” (“Rutheni sunt et Ruthenicum loquuntur”). Эта форма встречается также у А. Гваньини, С. фон Герберштейна и многих других авторов XVI в. (Геровский 1973 [1893]). Однако в современных энциклопедических и научных изданиях находим две разные гипотезы этнической принадлежности русинов: по одной – их причисляют к украинцам, по другой – считают самостоятельным этносом (обе точки зрения существует и в среде самих русинов). Что касается русинского языка, то он образует две диалектные группы: карпато-русинскую (на исконных русинских территориях) и южнорусинскую (переселенческую), для последней характерны западнославянские черты при сохранении

некоторых восточнославянских особенностей (Дуличенко 2011: 383). Итак, русины с XIV в. жили в Закарпатской и Карпатской областях, откуда переселялись в разные регионы Юго-Восточной и Центральной Европы. В настоящее время кроме Хорватии русины компактно проживают на западе Украины (Закарпатье)¹⁰, северо-востоке Словакии (северо-восток Прешовского края), юго-востоке Польши (Лемковщина), северо-востоке Венгрии, северо-западе Румынии (Марамарош), а также в сербской Воеводине; русинские диаспоры есть в США и Канаде.

В хорватской историографии сосуществуют различные позиции относительно происхождения русинов. Одни ученые считают, что это особый восточнославянский народ с автохтонным названием *руснак* (известный также как *русини*, *рутены*, менее распространены этнонимы *угорусины*, *карпатороссы*, *карпато-русини*, *угро-русини* и др.) (Bajić 2003: 7; Zlodi 2005: 409). Другие полагают, что русины происходят либо от белых хорватов, населявших территорию Восточных Карпат в VI–VII вв. н.э., либо от черных хорватов, проживавших на территории современной Чехии в раннесредневековое время. Часть исследователей придерживается мнения, что русины – это субэтнос украинцев (Bajić 2003: 9–13; Zlodi 2005: 412–413), часть полагает, что этноним *русини* лежит в основе этнонима *русские*, а поэтому считает его старым названием украинцев и отмечает, что из-за исторических и политических событий и миграций, так или иначе затрагивающих эту этническую группу на протяжении длительного времени (с XVII в. до наших дней), русины не смогли полностью интегрироваться в украинскую нацию (Kiš 1997; Zlodi 2005: 413; Paščenko 1997: 296). Иногда хорватские ученые называют русинов “карпатскими русскими” и “киевскими русскими”. Русины же граждан России называют “русскими, говорящими на русском языке” (Bajić 2003: 39).

Как известно, язык – один из важнейших маркеров этнической и культурной идентичностей. Исторически русины называли свой язык русским. В настоящее время русинский считается самостоятельным литературным языком (Barić 1985: 29). На его основе – благодаря расширению прав этого национального меньшинства в европейских странах – создаются литературные и научные труды, он используется в средствах массовой информации. Южнорусинский язык является одним из шести официальных (служебных) языков автономного края Воеводина в Сербии. Интересно, что единственным высшим учебным заведением, где сегодня можно изучать русинский язык и литературу, является Университет Нови-Сада (Республика Сербия) – здесь преподается бачванско-сремский диалект (Kolbas 2011: 54), и преподаватели русинского языка из Хорватии посещают занятия. Ведут курс Надежда Баич и Евгения Барич (обе русинского происхождения), они считают русинский язык ветвью украинского (Bajić 2003; Barić 1985). На Украине и в других странах проживания русинов кодификация их языка, начатая в XIX в., продолжается до сих пор. Русины, говорящие на разных диалектах, стремятся к стандартизации своего языка, однако все попытки добиться этого пока не увенчались успехом. Полевые исследования, проведенные кафедрой этнологии и культурной антропологии Загребского университета среди русинов в Хорватии (Славония) в 2019 и 2020 гг., показывают, что некоторые представители этого национального меньшинства до сих пор в повседневной речи называют свой язык русским, а среди русиновороящих информантов были те, кто считал себя этническими хорватами, сербами, югославами или украинцами (Kolbas 2011: 53–55).

Украинцы. Этноним *украинцы* в широкий обиход входит с первой половины XIX в. Окончательно как самоназвание этнической общности он утверждается в Поднепровской Украине после событий 1917–1920 гг., заменяя доминировавший до тех пор этноним *малороссы*. В Галиции и Буковине эндоэтноним *украинец* начинает использоваться лишь с конца XIX в. на волне подъема украинского национально-культурного движения. В это же время он получает распространение и в Хорватии.

Исучающий становление национальных сообществ Дж. Видмарович заключает, что на момент переселения украинские иммигранты не различались по национальному признаку, как, например, чехи, венгры или немцы. Они часто меняли самоидентификацию внутри украинской национальности: могли называть себя узколокальными эндоэтнонимами *галичане*, *лемки* и более “широкими” — *украинцы* и даже *поляки* (Vidmarović 1986: 45). Описания потомков этих иммигрантов позволяют увидеть еще более сложную ситуацию с этнонимами в ранний период их переселения в Хорватию:

Жителей пригорода Славонски-Брод — галичан — считали и поляками, и украинцами. Поляки и украинцы на момент иммиграции различались по вероисповеданию. Поляки — католики, украинцы — греко-католики. Часто в одной семье мужчины были поляками, потому что они крестились в римско-католической церкви, а женщины были украинками, потому что они были крещены в греко-католической церкви. Такое разделение внутри семьи произошло еще в Закарпатье, где поляки имели политическое влияние (Škiljan 2013: 55).

Хорватские ученые считают, что в южнославянском регионе распространен особый вариант (диалект) украинского языка, который неидентичен современному украинскому литературному языку (Škiljan 2013: 38). Украинские идентичность и язык полностью сформировались после обретения Украиной независимости в 1990-х годах. Это, разумеется, отразилось на украинских иммигрантах в Хорватии, становление этнической идентичности которых шло параллельно процессам самоопределения Украинского государства.

К этнической группе “украинцы” относятся и лемки. Изначально иммигрировавших в Липовляни лемков не считали украинцами (из-за различия языков), и только с приходом галичан (субэтнос украинцев) из Боснии и Герцеговины их стали причислять к этой этнической общности: “Пастор сказал всем на службе: и галичанам, и лемкам, что наша прародина — Украина” (Škiljan 2013: 40).

Русские. Хорватские источники XX–XXI вв. свидетельствуют о том, что этноним *русские* для обозначения переселенцев из Российской империи/России и этническая принадлежность этих людей вполне очевидны.

Подводя итог, скажем, что в Хорватии происходил и происходит очень сложный процесс идентификации русинов, украинцев и русских. Можно проиллюстрировать его процитированными Ф. Шкиляном словами пастыря Сигизмунда Шлыза — сказанные еще в 1920-х годах, они актуальны и сегодня:

Вы заставили молчать наших русинов (в то время и украинцы считали себя русинами), потому что мы пришли на их (русинов. — *М.Р.И., М.К.*) землю и потому что все должно быть так, как они хотят. И ради святого мира он (русин. — *М.Р.И., М.К.*), скорее, откажется от своего украинского имени и своей церкви, только чтобы быть достойным своего соседа *шокца* (так называли хорватов в этой местности. — *М.Р.И., М.К.*), который больше не будет его ненавидеть и называть вонючим русским (Škiljan 2013: 35).

Здесь налицо смешение этнонимов: русины для автора и/или рассказчика — украинцы, а украинцы для рассказчика и/или местных хорватов — русские!

Развитие и укрепление этнической идентичности русинов, украинцев и русских в Хорватии

Ст. 7 “Конституционного закона о правах национальных меньшинств” Республики Хорватии (“Ustavnim zakonom o pravima nacionalnih manjina”) устанавливает, что представители национальных меньшинств имеют право на:

1. использование своего языка и письменности;
2. получение образования на языке;

3. использование знаков и символов своего языка;
4. сохранение и защиту своих культурных ценностей и традиций;
5. право исповедовать свою религию...;
6. ...получение и распространение разного рода информации на родном языке...;
7. создание организаций и ассоциаций для реализации своих интересов...;
8. представление своего меньшинства в органах государственной власти и местного самоуправления, а также в административных и судебных органах;
9. участие... в общественной жизни...;
10. защиту от любой деятельности, которая ставит под угрозу или может поставить под угрозу их выживание, осуществление прав и свобод (Ustavni zakon 2010).

Отметим, что, когда Республика Хорватия входила в состав Югославии, представители национальных меньшинств уже пользовались значительной долей этих прав (Obradović 2015).

Русины и частично украинцы, как мы уже отмечали, были греко-католиками; вера связывала их достаточно прочно. Местами собраний переселенцев, особенно в небольших населенных пунктах, зачастую служили церкви. Так, в греко-католической церкви Св. Анны в Липовляни служили пасторы украинского и русинского происхождения. Построенная еще в 1924 г., эта церковь играла и продолжает играть важную роль в формировании и сохранении идентичности украинцев и русинов (Myz 2004; Graljuk 2010; Novosel 2020). Поскольку украинский язык как учебный предмет появился в государственных школах лишь в 1979 г., до этого его преподавали в семинариях — институт церкви выполнял еще и образовательные функции (Škiljan 2013: 38).

В начальных полевых исследованиях и при подготовке статьи мы столкнулись не только с размытостью границ между сообществами, но и с зачастую нечеткими границами идентичностей этих сообществ, что не в последнюю очередь связано с изменением государственных границ в Европе на протяжении XIX—XX вв. Русины в Хорватии и Сербии (Воеводина, регионы Бачка и Срем) в югославский период ощущали себя как единое целое (именно так их рассматривали разные авторы), об этом свидетельствует и появление воеводинско-хорватского русинского диалекта, стандартизованного на кириллице в 1923 г.

В Югославии, а затем и в Хорватии начиная с 1971 г. в переписях населения русины и украинцы учитывались отдельно (Zlodi 2005: 414). После падения коммунистических режимов в Словакии, Польше и Венгрии в 1989 г. русины, проживающие в этих странах, стремились к культурной автономии¹¹. В 2001 г. в Хорватии они стали официально признанным национальным меньшинством¹². В настоящее время Управление по правам человека и национальных меньшинств Республики Хорватии указывает данные о количестве и территориальном распределении русинов и украинцев отдельно (т.е. они учитываются как отдельные этнические образования) (Bajić 2003: 41–42).

Необходимо отметить, что систематических исследований русской идентичности в Хорватии до сих пор не проводилось. Тем не менее следует упомянуть монографию Ф. Шкиляна (Škiljan 2014), посвященную русским в Хорватии, и работу Т. Пушкадия-Рыбкиной (Puškadija-Ribkin 2006), изучавшей вклад русских иммигрантов в научную и культурную жизнь Загреба.

Манифестация идентичности ярко проявляется в общественных организациях украинцев, русинов и русских. До 1967 г. первые две этнические группы создавали совместные объединения. Например, в Загребе в 1922–1941 гг. существовало «Украинское общество просвещения» (Paščenko 2006: 28; Novosel 2020: 21–22); его название отражает существовавшую в те годы ситуацию: до 1996 г. русины и украинцы считались единым национальным меньшинством и в ходе переписей учитывались как украинцы. В 1968 г. на базе трех культурно-художественных клубов из

Петровцев, Миклушевцев и Вуковара был создан “Союз русинов и украинцев в Республике Хорватии” (русин. “Союз Русинох и Украјинцох Републике Горватскеј”, хорв. “Savez Rusina i Ukrajinaca Republike Hrvatske”)¹³ со штаб-квартирой в Вуковаре. Позднее в Союз влились объединения из Загреба, Славонски-Брода и Осиека, а в период военных действий 1991–1995 гг. были созданы ассоциации в Липовляни, Винковцах, Риеке, в селах Шумече и Каниже. До февраля 2008 г. в рамках Союза действовало в общей сложности 20 культурных обществ и ассоциаций, занимавшихся организацией фестивалей и других культурных мероприятий в Хорватии и за рубежом, установлением контактов с русинскими и украинскими организациями разных стран. С 1971 г. Союз издает журнал “Новая мысль” (“Nova Dumka”/“Nova Misao”) на хорватском, русинском и украинском языках. Но в 2008 г. четыре общества отделились от Союза и образовали “Украинское общество Республики Хорватии” (“Ukrajinska zajednica Republike Hrvatske”). Но, несмотря на появление совместной организации, параллельно создавались общества, объединявшие только представителей одного национального меньшинства (напр., «Культурно-просветительское общество украинцев “Карпаты”»/«Ukrajinsko kulturno-prosvjetno društvo “Karpati”»; основано в 1992 г. в Липовляни).

Большинство русских, переезжавших на территорию Хорватии с конца XIX в., обустроивались в хорватской столице и на Адриатическом побережье. В Загребе в 1919 г. и были основаны первые русские объединения “Русское коло” и “Русско-славянское общество” (*Puškadija-Ribkin* 2006: 54). Сегодня в Республике Хорватии действует около десятка ассоциаций русского национального меньшинства. Наиболее значимые из них: “Национальный союз русских в Хорватии” (“Nacionalna zajednica Rusa Hrvatske”) (Загреб), «Русскоязычная ассоциация в Меджимурье “Калинка”» («Udruga ruskog govornog područja Međimurju “Kalinka”») (Чаковец), «Русское культурное объединение “Катюша”» («Ruska kulturna udruga “Katjuša”») (Пожега) и “Союз русских в Республике Хорватии” (“Savez Rusa u Republici Hrvatskoj”) (Загреб) (Vlada RH). Все эти объединения организуют различные фестивали и иные мероприятия, отмечают важные исторические даты и культурные события, связанные со страной исхода, создают творческие коллективы, поддерживающие русские национальные традиции. Русские в Хорватии издают интернет-журнал “Летопись” (выходит 4 раза в год при поддержке фонда “Русский мир”) и детский журнал “Колобок” (приложение к “Летописи”).

Воспитание и обучение детей из русских семей в Хорватии осуществляется в соответствии с организационной моделью “С”: занятия проводятся на хорватском языке, но дополнительно выделяются учебные часы (2–5 час.) для изучения языка, географии, истории и культуры национального меньшинства. Работают всего четыре таких школы для русских детей, но этого достаточно, поскольку количество заинтересованных в этом обучении родителей невелико.

Как мы уже отмечали, со временем некоторые совместные организации и союзы меньшинств разделялись. Так произошло и с “Культурно-просветительским обществом русинов-украинцев Загреба” (“Kulturno-prosvjetno društvo Rusina-Ukrajinaca Zagreba”). Основанное в 1972 г., в 2012 г. оно преобразовалась в «Украинское культурно-просветительское общество “Кобзарь”» («Ukrajinsko kulturno-prosvjetno društvo “Kobzar”») и представляет теперь только украинскую общину Республики Хорватии. В связи с этим нас заинтересовал вопрос: что произошло с архивом общества (за 1972–2012 гг.)? Были ли сделаны копии документов и как распределены между двумя меньшинствами оригиналы? Интерес к тому, как и где хранится архив, не случаен. Изучение документов, принадлежащих одному или другому сообществу (или сразу обоим), требует осторожного подхода, а интерпретации их содержания разными сторонами должны оцениваться критически.

Вместо заключения: границы этнической идентичности и новые исследовательские задачи

Итак, наше исследование показало, что с первой половины XIX в. до наших дней предки представителей трех национальных меньшинств, иммигрировавшие на хорватскую этническую и историческую территорию, заявляют о себе как о русских, украинцах и русинах, указывая русский, украинский и русинский языки соответственно как свои родные. Однако при изучении каждого из этих меньшинств исследователи неизбежно сталкиваются с рядом проблем: расхождением статистических данных об этнической принадлежности и языке; размытостью границ использования этнонимов и сложностью формирования этнической идентичности в условиях непрерывных миграций и инокультурного окружения.

Мы показали, что представители трех изучаемых меньшинств переместились на ныне хорватские территории в результате разных миграционных волн, обусловленных разными причинами (в основном экономическими, но также и политическими). Говоря о местах компактного проживания русских, украинцев и русинов в Республике Хорватии, необходимо учитывать тот факт, что границы европейских государств неоднократно менялись на протяжении XIX–XX вв. Характеристики (численность перемещающихся, временные периоды, причины) миграционных волн трех сообществ, разумеется, во многом различались, как различались места переселения, отношения внутри общины, культура, религия и пр.

Исследования показывают, что в отношении изучаемых общностей в разные временные периоды использовались разные этнонимы, а идентичность (языковая, религиозная, культурная, этническая, национальная) предков сегодняшних хорватских граждан, принадлежащих к этим трем национальным меньшинствам, за более чем сто лет претерпела многочисленные трансформации, связанные с изменением не только самовосприятия мигрантов, но и их восприятия окружением. Это свидетельствует о том, что идентичности изменчивы, множественны и динамичны.

Наше исследование показывает, что количество хорватских граждан, считающих себя украинцами и русинами, сокращается от переписи к переписи, что говорит об утрате ими этнической идентичности. Число носителей украинского и русинского языков также сокращается, т.е. происходит утрата и языковой идентичности на фоне постепенной интеграции и ассимиляции членов общин в хорватское пространство (политическое, социальное, культурное и т.д.).

В последние десятилетия в Республику Хорватию в основном иммигрируют женщины с высоким уровнем образования – русские и украинки (по русинам, к сожалению, данных нет), они участвуют в работе различных организаций и союзов меньшинств, развивают и продвигают свои культурные традиции и язык. Включенное наблюдение и интервью с этими женщинами говорят о том, что они переехали в Хорватию, выйдя замуж за ее граждан (*Skiljan* 2013, 2014: 62; *Novosel* 2020). Множественные идентичности (в том числе гибридные) выявляются в ходе некоторых интервью информантов, состоящих в этнически смешанных браках.

Статистические данные (см.: Табл. 1) показывают, что количество хорватских граждан, для которых русский язык является родным, намного больше тех, кто считает себя русскими. Причины такого расхождения могут быть разными. Например, Ф. Шкилян в своей книге “Русские в Хорватии” приводит такой пример: информантка V.С. (1963 г.р.) родилась на Украине, ее отец украинец, а мать русская, и V.С. ощущает себя русской. Женщина является активным членом “Русского общества”. Вероятно, ее русская идентичность связана с активной позицией в этом обществе. Члены разных ассоциаций ведут опросы женщин, которые “приехали из регионов, в настоящее время уже не входящих в состав СССР, [и оказывается, что они] родились в других республиках, но тем не менее чувствуют себя русскими”, – отмечает Ф. Шкилян

(*Škiljan* 2014: 60). Но тогда возникает вопрос: это происходит потому, что рядом с местом их непосредственного проживания нет украинского или русинского объединения, а есть только русское? Выяснение всех причин такого самоощущения/сомоопределения — задача будущих полевых исследований.

Сегодня на Украине, помимо украинцев (77,8%), проживают русские (17,3%), белорусы (0,6%), молдаване (0,5%), крымские татары (0,5%) и др. (Всеукраїнський перепис населення 2001). В России наряду с русскими, которые составляют 80,9% населения, живет более 190 народов и национальностей; больше всего татар (3,9%), украинцев (1,4%), башкир (1,2%), чувашей (1,0%), чеченцев (1,0%), армян (0,9%), аварцев (0,7%), мордовцев (0,5%), казахов (0,5%), азербайджанцев (0,4%) и др. (ВПН 2010). На практике может оказаться, что, иммигрируя в Хорватию, многие назовут русский своим родным языком, но при этом не будут считать себя русскими, а отнесут себя к другой национальности.

В хорватский парламент от всех трех национальных меньшинств избирается лишь один депутат. А Посольство Украины в Республике Хорватии представляет одновременно интересы и украинцев, и русинов, на веб-сайте посольства размещается информация для тех и для других.

Хотя большинство населения сегодняшней Украины исповедует православие, в хорватской литературе украинцы в основном фигурируют как греко-католики (*Graljuk* 2010; *Муз* 2004). Так, С. Новосел пишет:

Большинство моих информантов — греко-католики, но некоторые — православные. Современные мигранты посещают греко-католическую церковь в Загребе независимо от того, какую религию они исповедуют. Это просто место для общения соотечественников... Украинцы приходят в греко-католическую церковь в Загребе, где каждое первое воскресенье месяца проходит служба, на которой мы, новоприбывшие украинцы, знакомимся со старой диаспорой, в которой большинство украинцев исповедуют православие (*Novosel* 2020: 35).

Д. Михич в своей работе “Русская женщина (не)стала хорваткой” приводит интервью с современными женщинами-мигрантами, также свидетельствующие об изменчивости идентичности членов сообществ. Так, информантка (1975 г.р.), переехавшая в Хорватию из Киева в середине 1990-х годов, являющаяся активным членом «Русского культурного объединения “Катюша”» (Пожега) («*Ruska kulturna udruga “Katjuša”*»), сказала: “На самом деле мы просто русскоязычные из бывшего Советского Союза, а это не только русские, могут быть женщины, например, и из Белоруссии” (*Mihic* 2020: 11). Рассказывая об участии в различных мероприятиях объединения, она упомянула русский праздник “Масленица”, который проводился в феврале 2020 г. на центральной городской площади Загреба, и описала свой опыт: “Я очень радовалась участию в праздновании Масленицы. Был ансамбль из Санкт-Петербурга, танцы, они спели песню, было впечатление, что это Советский Союз, я им подпевала... было отличное ощущение. Я поймала себя на том, что пою вслух... Я бы никогда не стала петь среди хорватов” (*Ibid.*: 12). Женщина также подчеркнула, что разговаривает с другими членами русских ассоциаций исключительно на русском языке, независимо от того, украинцы они, белорусы или русские.

Из приведенных выше данных о современных мигрантах и сведений о миграциях XIX–XX вв. мы можем сделать вывод, что идентичность рассматриваемых нами национальных меньшинств имеет сложный, комплексный характер: человек может считать себя представителем одновременно двух (или нескольких) этнических культур (гибридная идентичность). Процесс идентификации происходит через интенсивное проникновение в объективные и субъективные аспекты идентичности, он весьма эмоционален.

В ходе исследования мы пытались ответить на вопрос: произошла ли трансляция тех элементов культуры и языка русинов, которые и по сей день отличают их от украинцев, из мест изначального проживания этого народа? или это результат более поздних процессов национального возрождения и формирования своей особой этнической идентичности? Из-за сходства трех народов (культура, язык, религия) — русских, украинцев и русинов — при взаимодействии с хорватским населением траектории изменения объективного содержания их идентичностей были сходны. Отметим, что не всегда четко можно было определить страну исхода, поскольку границы в Европе часто стирались и смешивались, а следовательно, создавались множественные и ситуативные идентичности. Предложенная нами тема чрезвычайно важна и интересна. Несомненно, требуется дальнейшее изучение статистических и архивных материалов, необходимо накопление и полевых данных, но уже сейчас мы как исследователи ставим перед собой вопросы, которые надеемся разрешить в будущем: правильна ли предлагаемая нами трактовка данных? и являются ли эти данные достаточно информативными и объективными?

Примечания

¹ Законодательные документы Республики Хорватии о меньшинствах:

— Ustav Republike Hrvatske // Narodne novine. Broj 56/90, 135/97, 08/98, 113/00, 124/00, 28/01, 41/01, 55/01, 76/10, 85/10; https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2010_07_85_2422.html;

— Nacionalne manjine u Republici Hrvatskoj // Portal za Nacionalne Manjine HR; <https://nacionalnemanjine.hr/nacionalne-manjine-u-hrvatskoj>;

— Ured za ljudska prava i prava nacionalnih manjina Vlade Republike Hrvatske, osnovan je Zakonom o Vladi Republike Hrvatske // Narodne novine. Broj 150/11, 119/14, 93/16, 116/18; <https://pravamanjina.gov.hr/nacionalne-manjine/nacionalne-manjine-u-republici-hrvatskoj/352>

² В задачи нашей статьи не входят ни анализ положения всех меньшинств, проживающих на территории Хорватии, ни анализ политической ситуации периода независимой Хорватии и идеологических позиций централистского монационального государства. Эти вопросы рассмотрены в специальных монографиях: *Babić D. Nacionalne manjine u Hrvatskoj. Sociološka perspektiva* (2015); *Katunarić V. Multicultural Reality and Perspectives in Croatia* (1997); *Tatalović S. Manjinski narodi i manjine* (1997).

³ В российской историографии вопрос об этнических меньшинствах в Хорватии вообще не рассматривался. Даже в опубликованных немногочисленных сборниках, посвященных этническим меньшинствам в Европе, нет ни одной статьи о них.

⁴ В своей статье мы используем принятый сегодня этноним “украинцы”, хотя при иммиграции он зачастую не употреблялся.

⁵ В данной статье не рассматриваются украинско-русинские разногласия, основанные на политических и культурно-исторических противоречиях, по причине их спорности и необсужденности.

⁶ Началом массового и организованного переселения русинов на эти территории считается 1745 г. А 17 января 1751 г. традиционно отмечается как праздничная дата: в этот день Франц Йозеф де Редл, советник Марии Терезии, подписал указ о переселении 200 русинских греко-католических семей тогда в совсем пустынную местность Керестур (Воеводина, Республика Сербия). Этот день считается днем официального разрешения русинам проживать на этой территории, хотя следует отметить, что еще в 20-е годы XVIII в. в Керестуре уже было небольшое количество русинских семей, которые переселились сюда самостоятельно (*Миринов Г. Русины в Хорватии: история и современность* // Русская линия. 19.04.2010. <https://rusk.ru/st.php?idar=41350>).

⁷ После аннексии Боснии и Герцеговины (1878 г.) одновременно с этими миграциями Австро-Венгерская монархия поощряла и организовывала целенаправленное переселение на сегодняшнюю территорию Боснии и Герцеговины. Иммигрантам была выделена бесплатно земля, предоставлены другие привилегии (*Barščevski* 2002; *Škiljan* 2013; *Zlodi* 2005). Этот факт важен для нас, потому что, например, украинцы перебирались с этих территорий в Хорватию в середине XX в.

⁸ Подробнее о русских в Хорватии в 1920–1930-е годы см.: *Косик* 2015.

⁹ С 1945 г. хорватское пространство было частью Демократической Федеративной Югославии, в том же году переименованной в Союзную Народную Республику Югославия. В 1963 г. название государства поменялось на Социалистическую Федеративную Республику Югославия (СФРЮ). После распада страны в 1992 г. появилась Союзная Республика Югославия (в которой из всех бывших республик остались только Сербия и Черногория), просуществовавшая до 2003 г. (*Сепуло* 2016: 305–351).

¹⁰ Отметим, что, хотя в СССР русинов включали в этнографическую группу “украинцы”, употребление этнонима “русины” и сегодня встречается на постсоветском пространстве, например, в Закарпатье.

¹¹ После нацистской оккупации Чехословакии в 1939 г. Закарпатье было включено в состав хорватской Венгрии, а после победы над фашистской Германией в 1945 г. — в состав СССР (УССР). В СССР использование самоназвания *русины* в официальных документах было запрещено, и всех представителей этой национальности записали украинцами. С 1989 г. (с периода перестройки), по мнению авторитетного канадского историка П.Р. Магочия, русины переживают свое третье национальное возрождение (подробнее об этом см.: *Досталь* 2010; *Магочий* 2007).

¹² Дополнительную информацию о русинах в Хорватии см.: официальный сайт русинов Хорватии, <https://www.savezrusina.hr>; официальный сайт русинов в Загребе, <http://www.rusini-zg.hr>; статьи о русинах, <https://nacionalnemanjine.hr/tag/rusini>

¹³ У Союза был свой сайт, который сейчас закрыт.

Источники и материалы

- Всеукраїнський перепис населення 2001 – Всеукраїнський перепис населення 2001 // Державний комітет статистики України. <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality>
- ВПН 2010 – Всероссийская перепись населения. 2010 г. // Официальный сайт. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/perepis_itogi1612.htm
- Геровский* 1973 [1893] – *Геровский Г.Ю.* О слове Русин. [1893] // Свободное Слово Карпатской Руси. 1973. № 1–2.
- Летопись б.г. – Интернет-журнал российских соотечественников в Хорватии “Летопись”. <https://ruskaljetopis.hr/info.phtml?c=7&id=876>
- ПМА 2019 – Полевые материалы М. Райкович Иветы. Загреб, Липовляни, 2019 г.
- ПМА 2020 – Полевые материалы М. Райкович Иветы. Липовляни, 2020 г.
- DZS RH 2001 – Državni Zavod za Statistiku – Republika Hrvatska. Popis stanovništva 2001. <https://www.dzs.hr/Hrv/censuses/Census2001/census.htm>
- DZS RH 2011 – Državni Zavod za Statistiku – Republika Hrvatska. Popis stanovništva 2011. <https://www.dzs.hr/Hrv/censuses/census2011/censuslogo.htm>
- Đerđa* 1968 – *Đerđa J.* Sovjetsko-jugoslavenski odnosi // Enciklopedija Jugoslavije / Ur. M. Krleža. Sv. 7: R-Srbija. Zagreb: Leksikografski zavod FNRJ, 1968. Str. 488.
- Graljuk* 2010 – *Graljuk B.* Grkokatolička župa Bezgrešnog začetca svete Ane Lipovljani – 100 godina ukrajinske grkokatoličke župe Lipovljani 1909–2009. Lipovljani; Vukovar: Ukrajinska zajednica Republike Hrvatske, Kulturno-prosvjetno društvo Ukrajinaca “Karpati”, Grkokatolička župa sv. Ane, 2010.
- Mihić* 2020 – *Mihić D.* Ruskinja (ni)je postala Hrvatica. Seminarski rad // Arhiv Odsjeka za etnologiju i kulturnu antropologiju, Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. 2020. Kutija: Identiteti manjinskih kultura 2020/14. <https://etno.ffzg.unizg.hr/odsjek/arhiv>
- Ustavni zakon 1997 – Ustavni zakon o izmjenama i dopunama Ustava Republike Hrvatske // Narodne novine. 1997. Broj 135.
- Ustavni zakon 2010 – Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina. 06.07.2010 // Narodne novine 155/02, 47/10, 80/10, 93/11. <https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina>
- Vlada RH – Vlada Republike Hrvatske. Nacionalne Manjine. Rusi. <https://pravamanjina.gov.hr/nacionalne-manjine/nacionalne-manjine-u-republici-hrvatskoj/rusi/382>

Научная литература

Досталь М.Ю. Закарпатские русины в борьбе за свою национальную идентичность: современные проблемы // Русины карпатской Руси: проблемные вопросы истории и современность.

Материалы международной научно-практической конференции “Геноцид и культурный этноцид русинов Карпатской Руси (конец XIX – начало XXI вв.)”. Ростов-на-Дону, 19 декабря 2008 г. Ростов-на-Дону, 2010. С. 97–105.

- Дуличенко А.Д.* Основы славянской филологии. Т. II: Лингвистическая проблематика. Ополе: Uniwersytet Opolski, 2011.
- Косик В.И.* Русская культура в Хорватии, 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1 (22). С. 9–16.
- Магоčić П.П.* Народ нивыдкы: Ллустрована історія карпаторусинов. Ужгород: ПП “Видавництво Валерія Падяка”, 2007.
- Фрейдзон В.И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001.
- Bajić N.* Rusnaci=(Rusini). Vinkovci: Općina Stari Jankovci, 2003.
- Barić E.* Rusinski jezik u štokavskom okruženju // Hrvatski dijalektološki zbornik. 1985. Broj 1 (7). Str. 29–36.
- Barščevski I.* Ukrajinci u Hrvatskoj-Brodsko-posavska županija // Misli s Dunava. Broj 5. Vukovar: Savez Rusina Republike Hrvatske, 2002. Str. 135–148.
- Bilandžić D.* Historija Socijalističke federativne republike Jugoslavije. Glavni procesi. Zagreb: Školska knjiga, 1979.
- Čakširan V.* Ruski emigranti u Sisku između dva svjetska rata. Magistarski rad. Sveučilišta u Zagrebu, Zagreb, 2010.
- Čepulo D.* Hrvatska pravna povijest u europskom kontekstu od srednjeg vijeka do suvremenog doba. Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu, 2016.
- Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. L.: Tavistock, 1985.
- Eriksen T.H.* Ethnicity, Race and Nation // (The) Ethnicity / Eds. M. Buibernau, J. Rex. Cambridge: Polity Press, 2003. P. 33–42.
- Gelo J.* Narodnosni i vjerski sastav stanovništva Hrvatske: 1880–1991: po naseljima. Zagreb: Državni zavod za statistiku, 1998.
- Grbić-Jakopović J.* Konceptualni pristupi istraživanju identiteta i identifikacijskih procesa // Multiplikiranje zavičaja i domovina. Hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije i identitet. Zagreb: FF Press, 2014. Str. 33–58.
- Hall S.* Introduction: Who Needs Identity? // Questions of Cultural Identity / Eds. S. Hall, P. De Guy. L.: Sage Publication, 1996a. P. 1–17.
- Hall S.* Identity and Difference // Becoming National / Eds. G. Eley, R.G. Suny. N.Y.: Oxford University Press, 1996b. P. 337–349.
- Jovanović M.* Ruska emigracija na Balkanu 1920–1940. Beograd: Čigoja štampa, 2006.
- Kiš M.* Ruthenians and Ukrainians // Multicultural Reality and Perspectives in Croatia / Ed. V. Kautunarić. Zagreb: Interkultura, 1997. P. 123–127.
- Kolbas I.* Dokumentiranje i muzealizacija ugroženih jezika Hrvatske // Etnološka istraživanja. 2011. Broj 16. Str. 45–61.
- Korenčić M.* Naselja i stanovništvo SR Hrvatske: 1857–1971. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1979.
- Mikišić D.* Ruski ratni zarobljenici u Prvom svjetskom ratu prema gradivu Hrvatskog državnog arhiva // Arhivski vjesnik. 2005. Broj 48. Str. 101–114.
- Myz R.* Ukrajinci u Lipovljanima i Novoj Subockoj. Vukovar: Savez Rusina i Ukrajinaca, 2004.
- Novosel S.* Očuvanje i transformacija identiteta Ukrajinaca u Zagrebu i Lipovljanima. Magistarski rad. Grantor Sveučilište u Zagrebu, Zagreb, 2020. <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:831192>
- Obradović V.Ž.* Minorities in the Balkans 19th and 20th Century. Beograd: Čigoja, 2015.
- Očak I.* Ruski migrant i NOB naroda Jugoslavije // Historijski zbornik. 1987. Broj XL (1). Str. 297–307.
- Paščenko E.* O Rusinima kao ukrajinskom subetnosu // Migracijske i etničke teme. 1997. Broj 13 (4). Str. 296–300.
- Paščenko J.* Kulturna baština Ukrajine // Hrvatska revija. 2006. Broj 2. Str. 19–33.
- Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu grada Zagreba. Zagreb: Prosvjeta, 2006.
- Škiljan F.* Svakodnevni život Ukrajinaca u Lipovljanima u dvadesetom stoljeću. Zagreb: Ukrajinska zajednica Republike Hrvatske; Lipovljani: KPD Ukrajinaca Karpati, 2013.
- Škiljan F.* Rusi u Hrvatskoj. Zagreb: Savez Rusa u Republici Hrvatskoj, 2014.
- Vidmarović Đ.* Formiranje narodnosnih kolektiviteta na teritoriju bivše općine Lipovljani // Lipovljanski susreti '85. Istraživanje prezentacija i zaštita kulture narodnosti / Ur. N. Ritig-Beljak, Š. Blaženka,

A. Mihanović. Lipovljani; Zagreb: Savjet i Organizacioni odbor "Lipovljanskih susreta"; Zavod za istraživanje folklor, 1986. Str. 34–58.

Zlodi Z. Rusini/Ukrajinci u Hrvatskoj – etape doseljavanja i problem imena // *Scrinia Slavonica*. 2005. Broj 5 (1). Str. 408–431.

Research Article

Rajković Iveta, M., and M.M. Kerimova. State, Community, and Identity Borders – Challenges for Research on Russians, Ukrainians, and Ruthenians in the Republic of Croatia [Grantsy gosudarstv, soobshchestv i identichnosti: izuchenie russkikh, ukraintsev i rusinov v Respublike Khorvatii]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 6, pp. 148–166. <https://doi.org/10.31857/S086954150017939-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Marijeta Rajković Iveta | <https://orcid.org/0000-0002-4988-1828> | mrajkovi@ffzg.hr | University of Zagreb (Ivana Lučića 3, 10000, Zagreb, Croatia)

Mariyam Kerimova | <http://orcid.org/0000-0003-3064-1012> | mkerimova@yandex.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

ethnic minorities, identity, Russians, Ukrainians, Rusyns, Ruthenians, Republic of Croatia

Abstract

Since the 19th century, the ancestors of current Croatian citizens and nationals who belong to three minorities in the Republic of Croatia, stating their nationality as Russian, Ukrainian, and Ruthenian in the censuses, have immigrated to the Croatian ethnic and historical area. The article examines the challenges that researchers face when separating data on immigration, ethnonyms, statistical data related to ethnicity/nationality, mother tongue, religion, and associations of minorities whose members nurture, preserve, and promote their identities. The article points to the transformation (and hybridity) of identity, the importance of careful and critical readings of sources and previous research. The authors emphasise the complexity of researching the identities of Russians, Ukrainians and Ruthenians living in the Republic of Croatia.

References

- Bajić, N. 2003. *Rusnaci=(Rusini)* [Rusyns=(Ruthenians)]. Vinkovci: Općina Stari Jankovci.
- Barić, E. 1985. Rusinski jezik u štokavskom okruženju [Ruthenian Language in the Štokavian Environment]. *Hrvatski dijalektološki zbornik* 1 (7): 29–36.
- Barščevski, I. 2002. Ukrajinci u Hrvatskoj-Brodsko-posavska županija [Ukrainians in Croatia-Brod-Posavina County]. *Misli s Dunava* [Thoughts from the Danube] 5: 135–148. Vukovar: Savez Rusina Republike Hrvatske.
- Bilandžić, D. 1979. *Historija Socijalističke federativne republike Jugoslavije. Glavni procesi* [History of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia: Main Processes]. Zagreb: Školska knjiga.
- Čakširan, V. 2010. Ruski emigranti u Sisku između dva svjetska rata [Russian Emigrants in the City of Sisak in Interwar Period]. MA thesis. University of Zagreb.
- Čepulo, D. 2016. *Hrvatska pravna povijest u europskom kontekstu od srednjeg vijeka do suvremenog doba* [Croatian Legal History in the European Context from the Middle Ages to Contemporary Period]. Zagreb: Pravni fakultet Sveučilišta u Zagrebu.
- Cohen, A.P. 1985. *The Symbolic Construction of Community*. London: Tavistock.
- Dostal, M.Y. 2010. Zakarpatskie rusiny v bor'be za svoju natsional'nuiu identichnost': sovremennye problemy [Transcarpathian Rusyns in the Struggle for Their National Identity: Contemporary

- Problems]. In *Rusiny karpatskoj Rusi: problemnye voprosy istorii i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoj konferentsii "Genotsid i kul'turnyi etnotsid rusinov Karpatskoj Rusi (konets XIX – nachalo XX vv.)"*. Rostov-na-Donu, 19 dekabria 2008 g. [Rusyns of Carpathian Rus: Problematic Issues of History and Modernity: Materials of the International Scientific and Practical Conference "Genocide and Cultural Ethnocide of the Ruthenians of Carpathian Russia (Late 19 – Early 21 Centuries)"], 97–105. Rostov-na-Donu.
- Dulichenko, A.D. 2011. *Osnovy slavianskoj filologii* [Foundations of Slavic Philology]. Vol. II, *Lingvističeskaia problematika* [Linguistic Issues]. Opole: Uniwersytet Opolski.
- Eriksen, T.H. 2003. Ethnicity, Race and Nation. In *(The) Ethnicity*, edited by M. Buibernau and J. Rex, 33–42. Cambridge: Polity Press.
- Freidzon, V.I. 2001. *Istoriia Horvatii. Kratkii očerok s drevneishih vremen do obrazovaniiia respubliki (1991 g.)* [History of Croatia: A Short Essay from Ancient Times to the Formation of the Republic 1991]. St. Petersburg: Aleteiia.
- Gelo, J. 1998. *Narodnosni i vjerski sastav stanovništva Hrvatske: 1880–1991: po naseljima* [National and Religious Composition of the Croatian Population: 1880–1991: By Settlements]. Zagreb: Državni zavod za statistiku.
- Grbić-Jakopović, J. 2014. Konceptualni pristupi istraživanju identiteta i identifikacijskih procesa [Conceptual Approaches to Identity Research and Identification Processes]. In *Multipliciranje zavičaja i domovina. Hrvatska dijaspora: kronologija, destinacije i identitet* [Multiplication of Homelands: Croatian Diaspora: Chronology, Destinations, Identity], by J. Grbić-Jakopović, 33–58. Zagreb: FF Press.
- Hall, S. 1996. Introduction: Who Needs Identity? In *Questions of Cultural Identity*, edited by S. Hall and P. De Guy, 1–17. London: Sage Publication.
- Hall, S. 1996. Identity and Difference. In *Becoming National*, edited by G. Eley and R.G. Suny, 337–349. New York: Oxford University Press.
- Jovanović, M. 2006. *Ruska emigracija na Balkanu 1920–1940* [Russian Emigration in the Balkans 1920–1940]. Beograd: Čigoja štampa.
- Kiš, M. 1997. Ruthenians and Ukrainians. In *Multicultural Reality and Perspectives in Croatia*, edited by V. Katunarić, 123–127. Zagreb: Interkultura.
- Kolbas, I. 2011. Dokumentiranje i muzealizacija ugroženih jezika Hrvatske [Documentation and Musealization of Endangered Languages in Croatia]. *Etnološka istraživanja* 16: 45–61.
- Korenčić, M. 1979. *Naselja i stanovništvo SR Hrvatske: 1857–1971* [Settlements and Population of SR Croatia: 1857–1971]. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti.
- Kosik, V.I. 2015. Russkaia kul'tura v Horvatii, 1920–1930-e gody [Russian Culture in Croatia 1920–1930]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* 1 (22): 9–16.
- Marochii, P.R. 2007. *Narod nivdyky: Ilustrovana istoriia karpatorusinov* [Narod Nivdyky: Illustrated History of the Carpathians]. Uzhgorod: PP "Vidavnitstvo Valeriia Padiaka".
- Mikšić, D. 2005. Ruski ratni zarobljenici u Prvom svjetskom ratu prema gradivu Hrvatskog državnog arhiva [Russian Captives of the First World War in the Records of the Croatian State Archives]. *Arhivski vjesnik* 48: 101–114.
- Myz, R. 2004. *Ukrajinci u Lipovljanima i Novoj Subockoj* [Ukrainians in Lipovljani and Nova Subotica]. Vukovar: Savez Rusina i Ukrajinaca.
- Novosel, S. 2020. Očuvanje i transformacija identiteta Ukrajinaca u Zagrebu i Lipovljanima [The Preservation and Transformation of the Identity of Ukrainians in Zagreb and Lipovljani]. MA thesis. University of Zagreb.
- Obradović, V.Ž. 2015. *Minorities in the Balkans 19th and 20th Century*. Beograd: Čigoja.
- Očak, I. 1987. Ruski migrant i NOB naroda Jugoslavije [Russian Migrant and the National Liberation War of the People of Yugoslavia]. *Historijski zbornik* XL (1): 297–307.
- Paščenko, E. 1997. O Rusinima kao ukrajinskom subetnosu [On the Ruthenians as Ukrainian Subethnos]. *Migracijske i etničke teme* 13 (4): 296–300.
- Paščenko, J. 2006. Kulturna baština Ukrajine [Cultural Heritage of Ukraine]. *Hrvatska revija* 2: 19–33.
- Puškadija-Ribkin, T. 2006. *Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu grada Zagreba* [Emigrants from Russia in the Scientific and Cultural Life of the City of Zagreb]. Zagreb: Prosvjeta.
- Škiljan, F. 2013. *Svakodnevni život Ukrajinaca u Lipovljanima u dvadesetom stoljeću* [The Daily Life of Ukrainians in Lipovljani in the 20th Century]. Zagreb: Ukrajinska zajednica Republike Hrvatske; Lipovljani: KPD Ukrajinaca Karpati.
- Škiljan, F. 2014. *Rusi u Hrvatskoj* [Russians in Croatia]. Zagreb: Savez Rusa u Republici Hrvatskoj.

- Vidmarović, Đ. 1986. Formiranje narodnosnih kolektiviteta na teritoriju bivše općine Lipovljani [Formation of National Collectives on the Territory of the Former Municipality of Lipovljani]. In *Lipovljanski susreti '85. Istraživanje prezentacija i zaštita kulture narodnosti* [Lipovljani Meetings'85: Research of Presentations and Protection of National Culture], edited by N. Ritig-Beljak, Š. Blaženka, and A. Mihanović, 34–58. Lipovljani; Zagreb: Savjet i Organizacioni odbor "Lipovljanskih susreta" Zavod za istraživanje folklor.
- Zlodi, Z. 2005. Rusini/Ukrajinci u Hrvatskoj – etape doseljavanja i problem imena [Ruthenians/Ukrainians in Croatia – Stages in Settlement and the Issue of Names]. *Scrinia Slavonica* 5 (1): 408–431.